

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 808.2–3

ОБРАЗНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

О.И. Блинова, Е.А. Юрина

Аннотация. Освещается образная лексика русского языка с точки зрения её структурно-семантических и лингвокультурологических свойств; выделяются разряды образной лексики; рассматриваются системный, функциональный и антропоцентрический принципы выявления и лингвистического описания образных слов русского языка. Предлагается типология образных слов с точки зрения их культурологической характеристики. Приводятся статистические данные по каждому из рассматриваемых разрядов образных слов.

Ключевые слова: образная лексика, языковая образность, языковая метафора, словарь образных слов.

Публикация словарей, посвященных образной лексике русского языка – «Словаря образных слов русского языка» [1], «Словаря образных слов и выражений народного говора» [2] – позволяет охарактеризовать её в комплексном представлении: семасиологическом, сопоставительном, лингвокультурологическом, классификационно-статистическом.

Термин «образность» используется в разных сферах научного знания: в лингвистике и литературоведении, в философии и психологии, в искусствоведении и эстетике, наполняясь различным содержанием, стержневую основу которого составляет понятие образа, образного представления. В лексикологии образность, согласно концепции, разработанной авторами статьи, рассматривается как свойство слова, характеризующегося двуплановой семантикой, выраженной посредством метафорической внутренней формы. Например, слово *кувшинка* ‘водяная лилия, цветок которой по форме напоминает кувшин’ является образным, поскольку обладает двуплановой семантикой («имеет два смысла»), выраженной метафорической внутренней формой: КУВШИН/КА, которая, по В. Хлебникову, составляет «живые глаза тайны», благодаря им «через слюду обыденного смысла» (водяная лилия) «просвечивает второй смысл» (цветок, напоминающий кувшин).

Свойство образности имеют два класса слов: **языковые метафоры (ЯМ)**, вторичные косвенные номинации, внутренняя форма которых отражает семантический тип мотивированности (*пылать* – о закате, *пламенеть* – о щеках, *серебристый* – о голосе, *медведь* – о неуклюжем человеке) и **собственно образные слова**, первичные номинации, внутренняя форма которых отражает морфологический тип мотивированности (*волнушка* ‘съедобный гриб с волнистой шляпкой’, *змеевик* ‘горный ка-

мень цвета змей', *шелковистый* 'гладкий, как шёлк'). Языковые метафоры и собственно образные слова представляют разряд образных лексических единиц (ОЛЕ), они и составляют основу словаря. Образностью характеризуются и другие языковые единицы: двухкомпонентные номинации (*кукушкины слёзки* 'растение ирис'), компаративные и иные фразеологические единицы (*как капля в море* 'о малом количестве чего-л.'), сравнительные обороты (*поёт, как соловей*) и некоторые другие. Всем этим единицам свойственна, как и ОЛЕ, двуплановость семантики и ассоциативный способ её выражения.

При квалификации лексической единицы как образной учитываются *системный, функциональный и антропоцентрический* принципы.

Принцип *системности* предусматривает выявление совокупности образных средств, выражающих различными лексико-грамматическими способами типовые образы, характерные для русской языковой картины мира [3–5]. Например, образные слова *медоточивый, медовый, сладкогласный, сладкоречивый* 'утрированно-нежный, лстивый, угодливый (о речи: голосе, словах; улыбке, выражении лица)'; *слащавый, приторный, сладкий* 'чрезмерно ласковый, любезный, умильный, угодливый (о человеке, его манере общаться: выражении глаз, лица, словах и т.п.)' выражают единое образное представление. В этом образном представлении ассоциативно связаны впечатления, производимые голосом, манерой речи и поведением человека (его плавные распевные интонации, приглушенный голос, пристальный взгляд, чрезмерная угодливость и т.п.), со вкусовыми ощущениями от сладких продуктов, в частности от «эталона» сладости – *мёда*.

Подобные лексические группы составляют блоки образных средств, или мотивационно-образные парадигмы, – объединение образных слов и мотивационно связанных с ними необразных единиц, имеющих структурно-семантическую общность. Примером могут служить образные слова *крупа* 'снег в виде шаровидных зернышек, похожих на крупу', *крупинка* 'мельчайшая частица чего-л.', *крупитчатый* 'состоящий из отдельных мелких, как крупа, частиц', *крупница* 'очень малое количество чего-л.', мотивированные словом *крупа* 'обработанные для употребления в пищу зёрна злаковых растений' в первичном прямом значении.

Обширные объединения образных слов (включающие также образные выражения), основанные на сходстве или смысловой близости выражаемых ими образных представлений, образуют образные или метафорические поля. В пределах поля единицы связаны на основании семантической общности тех или иных смысловых элементов в структуре образных представлений. Например, все образные средства языка, реализующие в качестве образного основания представления о приготовлении пищи и блюдах национальной кухни, могут составить обширное лексико-фразеологическое поле кулинарных образов.

Совокупность всех образных слов поля демонстрирует фрагмент национальной языковой картины мира, связанный с образным переос-

мыслением исходного базового концепта «ЕДА/ПИЩА». Представления о кулинарных блюдах или продуктах питания включают знание об их форме, размере, вкусе, запахе, структуре и т.п.; а также знание о характере процессов их приготовления и поглощения субъектом с учетом всевозможных обстоятельств этих процессов. В значении отдельной образной лексической единицы запечатлен лишь фрагмент метафоризации комплексного сценария: процесс приготовления (*варёный* 'усталый, вялый о человеке', *кипятиться* 'злиться, сердиться', *заваруха* 'неразбериха, путаница', *состряпать* 'наспех и некачественно подготовить что-л.'); форма приготовленного продукта (*рогалик* 'булочка, по форме напоминающая рог', *рожки* 'макароны, по форме напоминающие маленькие рога'); структура продукта (*леденец* 'карамель, прозрачная и тающая, как лед'); вкус продукта (*слащавый* 'излишне любезный'); его размер (*крошка*, *крошечный* 'об очень маленьком человеке или предмете') и другие свойства; процесс поглощения пищи (*есть глазами* 'пристально, с напряжением смотреть на кого-л.', *въедливый* 'чрезмерно внимательный, придирчивый', *грызть* (кого-л.) 'донимать упреками, придирками', *угрызение* 'мучительное состояние из-за чувства своей вины, которое как бы грызет').

Второй принцип предполагает *учёт функций* образной языковой единицы: а) функция выражения образного представления, б) эмоционально-экспрессивная функция, в) эстетическая функция, которые могут проявляться либо избирательно, либо комплексно. Для определения функций образной языковой единицы существенную роль играет контекст.

Функция выражения образного представления отличает любую образную языковую единицу, употребляющуюся даже в контекстах коммуникативно-нейтрального, информативного характера: «*Сухо и резко зашуршал крупитчатый песок на срезе берега*» (Нагибин. Молодожен). Однако выражение образного представления в тексте наиболее ярко проявляется в контекстах, включающих фрагменты образных полей и парадигм, единицы которых взаимно актуализируют свои образные значения: «*Мы, женщины, можем себе позволить роскошь быть и слабой, и беззащитной, но когда необходимо – твердой и настойчивой. Мужчины же всегда должны быть как камень*» (О. Дроздова, журнал «Она»). Использование в тексте синонимичных слов с разными образными основаниями может служить средством создания приема градации и также взаимно актуализировать образные представления, выраженные словами: «*Неужели у него не хватит воли забыть ее? Он презирал себя, называя себя тряпкой, размазней, слюнтяем*» (Гранин. Искатели); «*Хлестаков сделался непревзойденным эпитетом для всяческих свистунов, бахвалыщиков, пустозвонов*» (Федин. Гоголь).

Эмоционально-экспрессивная функция образной языковой единицы обычно проявляется в пределах образно-экспрессивного контекста, в котором используются эмоционально-экспрессивные языковые средства. Например: «*Все веселилось и зубоскалило друг над другом, когда Капи-*

тон Аверьяныч был весел и давал немое соизволение путникам и зубоскалам» (Эртель, Гарденины), «*Слушатели недоумевали, каковы же были истинные цели оратора: атеист ли это в рясе <...> или своеобразный хамелеон, отливающий всеми цветами софистского красноречия?*» (Скиталец, Кандалы).

Эстетическая функция языковой единицы, как правило, реализуется в рамках образного контекста, который отличает насыщенность образных средств языка – сравнительных оборотов, фразеологизмов, СО и ЯМ, настоящего исторического, а также наличие так называемых эстетических маркёров, например *красиво, красивый*, нередко сопровождаемых повышенной (восклицательной) интонацией. Примеры: «*Огоньки вот цветут красиво, ромашки, медунки – тоже хорошо. // Этой весной и куриные сапожки [цвели], и огоньки – они, как огнёвый цвет, их и зовут «огоньки»* (Словарь образных слов); «*Глаза княжны, большие и лучистые, были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты*» (Л. Толстой. Война и мир).

Принцип **антропоцентризма** обусловлен тем, что образность как свойство слова и других языковых единиц связана с отражением образного видения мира человеком – носителем языка. Предметы, явления, понятия, обозначаемые образным словом, находят в его семантике опосредованное выражение через соотношение с физическими свойствами самого человека или других объектов предметного мира, непосредственно связанных с деятельностью человека. Например, прямое мыслится как правдивое, истинное (*прямолинейный* ‘честный (о человеке)’), кривое – как ложное (*кривотолки* ‘ложные слухи’), мягкое представляется слабым, добрым (*мягкотелый* ‘слабовольный’, *мягкосердечный* ‘добрый’), а твердое – решительным и упрямым (*железные нервы* ‘сильные’, *твердолобый* ‘упрямый’). Определенные свойства человека связываются с той или иной частью тела: голова – ум, мудрость; сердце – доброта; лоб – упрямство; руки – трудолюбие.

Антропоцентрический характер ассоциативности образной лексики требует от исследователя при интерпретации её семантики подтверждения посредством обращения к его языковому сознанию носителей языка. С этой целью к исследованию привлекаются метатексты, эксплицирующие показания языкового сознания личности. Такие метатекстовые вкрапления чрезвычайно частотны в речи диалектоносителя, обращенной к диалектологу, в связи со стремлением говорящего объяснить значение того или иного слова: «*Лисички – потому что они жёлтеньки, как лисички. // Подосинники – они жёлтые-жёлтые, мы их называем лисички, они прямо оранжевые, они твёрдые такие лисички, и под осиной, и под берёзой растут*» (Словарь образных слов). Метаязыковые высказывания, отражающие рефлексию авторов по поводу образного значения слова, встречаются также в текстах публицистического и художественного стиля: «*И – детское открытие: ведь если неожиданно забыть, что это – рожаль, это просто зубы, огромные зубы в холодном рту – до ушей. И это*

роля – **зубоскал**, а вовсе не Андрюшин репетитор, Александр Павлович Гуляев, которого так зовет мать за вечное хохотанье. И **зубоскал** совсем не веселая, а страшная вещь» (Цветаева. Мать и музыка).

К исследованию степени и способа осознания образности носителями языка привлекаются данные целенаправленных психолингвистических экспериментов [6]. Примеры ответов, актуализирующих образное значение: **лежебока** – тот, кто отлеживает свои бока; **обезьянничать** – уподобиться обезьяне, передразнивать; **молниеносный** – быстрый, как молния. Ориентация на показания языкового сознания носителя языка позволяет разграничить «живые» образные средства и «мёртвые», с угасшей образностью (например, генетические, стёртые ЯМ), определить границы между образными лексическими единицами и безобразными производно-номинативными лексико-семантическими вариантами слова – с позиций носителя языка, а не только установок лексиколога-исследователя.

Образное слово ярко и наглядно отражает особенности языковой интерпретации действительности, участвует в формировании языковой картины мира [7]. Наиболее наглядно национальное своеобразие образных номинаций проявляется при сопоставлении обозначений одного и того же феномена (референта, концепта, ситуации) в разных языках. Сравним для примера русскую метафору *горячий* о вспыльчивом человеке и английский эквивалент *peppery* – буквально «перчёный», острый, «жгучий, как перец»; рус. *шишка* о человеке, занимающем высокое социальное положение, и англ. *wheel* (колесо) с тем же значением; рус. *лежебока* о ленивом человеке, который как бы «все время лежит на боку», и англ. *lazy-bones* – буквально «ленивые кости».

Учет рассмотренных принципов позволил выявить образный словарный фонд русского литературного языка, лексикографически представленный авторами статьи в «Словаре образных слов...» [1]. Данные этого словаря позволяют ответить на целый ряд вопросов, связанных с характеристикой образного лексикона:

1) каково соотношение основных категориальных единиц, представляющих образную лексику – языковых метафор и собственно образных слов;

2) какова представленность различных лингвокультурологических разрядов – олицетворений (*олиц.*), артефактоморфимов (*артеф.*), антропоморфизмов (*антроп.*), натуроморфизмов (*натур.*), мифоморфизмов (*мифом.*), зооморфизмов (*зоом.*), фитоморфизмов (*фитом.*), локоморфизмов (*лок.*) и фономорфизмов (*фоном.*) в образной словесной сфере;

3) какие субъекты и объекты предметного и не предметного мира избирает носитель русского языка для метафорического способа выражения образа в той или иной номинации.

Представим предварительные ответы на поставленные вопросы.

Наибольшее число, по данным словаря, составляют метафоры (около 1 000 лексических единиц), число собственно образных слов рав-

но 539 единицам. Как оказалось, соотношение ЯМ и СО 2:1, выявленное в элитарной речевой культуре, выражаемой литературным языком (Н.И. Толстой), совпадает, по данным среднеобского диалекта, с таким же соотношением ЯМ и СО в народной речевой культуре [2] – 43,5:21,2% [4. С. 81].

Количество лингвокультурологических разрядов в числовом и процентном выражении выглядит следующим образом: антропоморфизм – 433 (29%), натуроморфизм – 332 (22,3%), зооморфизм – 191 (12,8%), артефактоморфизм – 162 (10,8%), олицетворения – 113 (7,65%), фитоморфизмы – 51 (3,45%), локоморфизм – 30 (2%), мифоморфизм – 22 (1,5%), фономорфизм – 22 (1,5%).

Далее даётся краткий комментарий к каждому из разрядов, образующих тематически два блока, два мира – наименования мира живых существ (человек, мифические существа, животные) и наименования мира природы (земля, небо, пространство, звуки). Артефакты?

С миром человека связаны олицетворения, антропоморфизмы, артефактоморфизмы, мифоморфизмы, с миром животных – зооморфизмы. К сфере природы имеют прямое отношение натуроморфизмы, локоморфизмы и фономорфизмы.

Претерпев процесс метафоризации по существующим в языке схемам метафорических переносов (животное – человек, предмет – предмет и т.п. [5]), все наименования обретают, как правило, иные обозначаемые ими в конечном итоге семантические классы, сферы, коннотации и т.д.

Олицетворение. Олицетворение [8] как термин лингвокультурологии целесообразно трактовать как явление языка/речи, отражающее процесс наделения всего сущего – вселенной, природы, животных и растений, неодушевленных предметов – свойствами и чертами, присущими человеку и характеризующими его деятельность. Из терминов, связанных с данным явлением, – «прозопопея», «персонификация» и др. – более удачным представляется используемый термин, «ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ», воплощающий «ЛИКОподобный, человекоподобный ОБЛИК мира, передающий «удивление перед человеческим лицом – “ликом”, которое пронизывает собой всё искусство» начиная с Киевской Руси (Д.С. Лихачев, 1984).

Например, *глазунья* ‘блюдо из цельных яиц, напоминающих глаза’. – *Глазунья, скворчащая на сковороде, поглядела на меня своими выпуклыми и солнечными глазами, и утро перестало казаться таким мрачным.* Арсеньев. Любовь вопреки. *Косач* ‘тетерев-самец с черным опереньем и удлиненными, словно косы, перьями в хвосте’. – *Глухарь самец имеет на хвосте черные косицы... почему и называется косачем.* Аксаков. Записки ружейного охотника.

Антропоморфизм как языковое/речевое явление отражает процесс осмысления отвлеченных свойств и качеств человека (ментальных, психологических, социальных) по образу и подобию самого человека как физической личности. Этот процесс находит выражение в метафори-

ческих переносах внутри семантической сферы «ЧЕЛОВЕК», результатом которых становятся антропоморфные образы. Приведем примеры образных слов, реализующих антропоморфизм: *двуличный/двуликий* ‘неискренний, лицемерный’. – [Хлестаков]: *Я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие.* Гоголь. *Ревизор. Некоторые мужчины двулики и лицемерны.* Гладков. *Энергия. Ротозей* ‘рассеянный, невнимательный человек’. – *У меня важный документ украл. Незадача! Из суда – под суд. Оправдали, но прокурор сказал мне: – Вы – ротозей!* Горький. *Вечер у Панашкина. Трубить* ‘повсюду говорить о чем-л.’ – *И трубит уже молва: / Дочка царская жива!* Пушкин. *Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. Трубит* ‘давно злоречие, / Что будто я дурак.’ Н. Некрасов. *Говорун.*

Мифоморфизм как языковое/речевое явление отражает процесс уподобления явлений действительности мифическим существам и присущим им качествам. Например, *ангел* ‘ласковое обращение к любимому человеку, ребенку’. – *Раньше ребятишек называли «ангел мой».* Словарь образных слов. *Беситься* ‘быть в крайнем гневе, раздражении’. – *Спокойствие его [Суркова] лопнуло: он начал кричать, беситься.* И. Гончаров. Обыкновенная история. *Марья Алексеевна бесилась, двадцать раз начинала кричать и сжимала кулаки.* Чернышевский. *Что делать? Осточертеть.* ‘до крайности надоест, опротиветь’. – *Без дела я уж и так насиделся. Осточертело!* Марков. *Сибирь.*

Артефактоморфизм как явление отражает процесс наделения всего сущего признаками, характерными для артефактов, продуктов деятельности человека. Например, *сережки* ‘соцветие в виде кисти мелких цветков, напоминающее женское украшение’. – *Осины уронили на лесные тропы пушистые сережки, похожие на лохматых гусениц.* Ливеровский. В зеленом наряде. *Цепочка* ‘ряд, вереница кого-, чего-л., напоминающая маленькую цепь’. – *Вокруг был мрак, и только тускло светилась цепочка фонарей.* Никулин. *Московские зори.*

Натуроморфизм. Отражает процесс наделения всего сущего признаками и свойствами природных объектов. Например: *ветреный* ‘легкомысленный, непостоянный, подобно ветру’. – *Я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться.* Лермонтов. Максим Максимыч. *Огневой* ‘оранжево-красный, цвета огня, пламени’. – *Набега-ет волна за волною, / В мачтах ветер свистит штормовой, / Над морской голубой целиною / Развевается флаг огневой.* Алымов. *Краснофлотский марш.*

Зооморфизм отражает процесс наделения всего сущего посредством метафоризации свойствами животного мира: *змеиться* ‘тянуться извилистой линией, виться, подобно змее’. – *В двух шагах ничего не было видно, только беловатой полосой змеились песчаные дорожки.* Гончаров. Обломов. *Парить* ‘устраиваться к возвышенным чувствам, мыслям, подобно взлету’. – [Семен Годунов]: *Великий государь, Ты смотришь вдаль и царственной высоко / Ты мыслию паришь, а между тем / Вокруг тебя не всё идет так гладко, / Как кажется.* А.К. Толстой. *Царь Борис.*

Фитоморфизм отражает процесс наделения всего сущего посредством метафоризации свойствами предметов и явлений растительного мира: *деревянный ‘тупой, бесчувственный, подобно дереву’*. – *С выражением деревянного терпения на загорелых лицах сидели они [жены рабочих] уже много часов*. Куприн. Молох. *Неискоренимый ‘такой, который трудно уничтожить, как бы вырвать с корнем’*. – *Любовь его к церковным службам, к духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой*. Чехов. Архиерей.

Локоморфизм как языковое/речевое явление отражает соизмеримость всего сущего с пространственными параметрами (верх, низ, левый, правый, широкий, узкий, прямой, кривой и т.п.) и пространственными объектами (угол, горизонт, плоскость, точка, сфера, граница и т.п.). Семантика образных слов и выражений метафорически воплощает локоморфные образы: *масштаб ‘размеры распространения какого-либо явления’*. – *Киселевский – талант большого масштаба. Долгое время он был украшением Александринского театра*. Юрьев. Записки. *Кривляться ‘вести себя неестественно, манерничать, делая ужимки и гримасы, как бы искривляющие лицо и фигуру’*. – *Турникет ищите, гражданин? – треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, – сюда пожалуйте! ... – кривляясь, субъект наотмашь снял жокейский свой картузик*. Булгаков. Мастер и Маргарита. *Угловатый ‘лишенный плавных форм, нескладный (о фигуре человека)’*. – *Его товарищ казался стариком, и никто бы не подумал, глядя не его угловатую фигуру, что и он наслаждается, что и ему хорошо*. Тургенев. Накануне.

Фономорфизм как языковое/речевое явление отражает реализованный метафорическим способом процесс уподобления явлений окружающего мира звукам, издаваемым лицами, животными, предметами, стихиями. Звукообразы представлены семантикой образных слов: *бахнуть ‘неожиданно сказать что-л. неуместное’*. – *Я ломал себе голову, что же я бахнул ей такого смешного или нелепого? С чего это она вдруг улыбнулась?* Домбровский. Хранитель древностей. *Тараторка ‘тот, кто быстро и много говорит’*. – *Сюда брели и нищие, / И тараторка-странница, / И тихий богомол*. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо. *Треск ‘высокопарные фразы, речи; шумиха’*. – *Извещалось лишь, что преступник, которого с таким треском собираются судить, отставной армейский капитан*. Достоевский. Братья Карамазовы.

В повседневном общении мы часто не замечаем, что говорим или мыслим образами. За привычными фразами теряется образный смысл слов родного языка. «Чем привычнее для нас слово, тем меньше мы ощущаем его скрытую образность», – отмечал Д.Н. Шмелев. В поэтической форме высказанную мысль выразил Давид Самойлов:

*Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.*

*Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.*

Последние две строчки характеризуют работу поэта над созданием художественного, поэтического слова, работу, смысл которой – вернуть слову первоначальную образность, довести его красоту до читателя или слушателя.

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ. Грант № МД-423.2007.6.

Литература

1. **Блинова О.И., Юрина Е.А.** Словарь образных слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
2. **Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А.** Словарь образных слов и выражений народного говора / Ред. О.И. Блинова. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
3. **Блинова О.И.** Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3. С. 78–85.
4. **Скляревская Г.Н.** Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 149 с.
5. **Юрина Е.А.** Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 158 с.
6. **Юрина Е.А.** Лексическая образность по данным психолингвистических экспериментов // Вестник Томского государственного университета: Бюл. операт. науч. информ. 2004. № 38. С. 59–73.
7. **Юрина Е.А.** Роль образных слов в формировании языковой картины мира // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Ч. 2. Язык в социально-культурном пространстве: Матер. Всерос. науч. конф. Томск, 1996. С. 39–42.
8. **Блинова О.И.** Олицетворение (к формированию научных понятий лингвокультурологии) // Образование, язык, культура на рубеже XXI в.: Матер. Междунар. науч. конф. Уфа, 1998. Ч. II. С. 99–101.

IMAGE-BEARING VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE Blinova O.I., Yurina E.A.

Summary. The image-bearing vocabulary of the Russian language from the point of view of its structural-semantic and linguistic-cultural properties is described. The categories of the image-bearing vocabulary are distinguished. The systemic, functional and anthropocentric principles of revealing and linguistic description of the image-bearing vocabulary of the Russian language are examined. The article presents a typology of image-bearing vocabulary based on its cultural characteristics. The statistics of all the categories examined are given.

Key words: image-bearing words, language figurativeness, language metaphor, dictionary of image-bearing words.